

Братец-барашек

Двое сирот Идут вперёд.

Дорога в зной нелегка..

Жара палит, И пыль пылит.

Ни речки, ни родника...

Сестра Мануш постарше была, Крепилась она в пути.

Она бы жажду перенесла, Но братец не мог нести.

Идут, идут и видят они Глубокий след, в нём стоит вода.

Сестричка-джан, мне так хочется пить!

Ты дашь попить мне, сестричка, да?

Нет, братец-джан, то коровий след - Напьёшься и станешь коровой
вмиг.

Потерпим немножко. Ещё чуть-чуть:

Сейчас другой найдём родник.

Двое сирот Идут вперёд.

Дорога так далека...

И зной палит, И пыль пылит.

Ни речки, ни родника...

Идут, идут и видят они След от копыта, а в нём вода.

Сестричка-джан, мне так хочется пить!

Ты дашь попить мне, сестричка, да?

Нет, братец-джан, это конский след - Напьёшься и станешь лошадкой
вмиг.

Потерпим немножко. Ещё чуть-чуть.

Сейчас, сейчас мы встретим родник.
Двое сирот Идут вперёд.
Дорога так далека...
И зной палит, И пыль пылит.
Ни речки, ни родника...
Идут, идут и видят они - Следок небольшой наполнен водой.
И братец не может больше терпеть:
Тайком зачерпнул он воды рукой.
Сестра обернулась: где же брат?.
Барашек маленький сзади идёт.
Барашек жалобным взором глядит И, грустно бежит вперёд...
Бедняжка Мануш! Что делать ей?
Ломает руки она в слезах.
А братец-барашек бежит за ней.
Испуг и горе в его глазах.
Двое сирот Идут вперёд.
Мануш с барашком вдвоём В слезах идут...
Как грустно тут, В безвестном краю чужом!
Идут. Их голод и зной томят.
Идут, не зная куда...
И вдруг - деревья листвою шумят, Родник, и звенит вода.
Пьют вдоволь сироты, к воде припав.
Потом на дерево влезла сестра, А братец отведал душистых трав.
Лужайка от ярких цветов пестра.
Но вдруг - и топот, и смех В лесу вечернем, что тих был и пуст.

И звуки всё ближе, и в звуках тех И песня, и хохот, и веток хруст.
И вот, золотой уздечкой звеня, Подводят слуги коня к воде.
Но что в роднике пугает коня?
Он встал на дыбы, словно быть беде.
Взглянули слуги, а в роднике Лицо прекрасное отражено.
Промчится ветер невдалеке, И зыблется в струйках воды оно.
Наверх взглянули они, а там Красавица, светлая, как заря.
Сидит она, прижавшись к ветвям, И смотрит, ни слова не говоря.
Каких только нет на земле чудес!
Дивятся все в глубине души:
Как диво такое попало в лес, На дереве диком сидит в тиши?
Кто ты? Виденье иль человек?
Если виденье, сгинь, пропади.
А человек - так с ветвей сойди, Лучший найдём для тебя ночлег.
Кто ты? Откуда? Нам невдомёк, Как очутилась ты среди нас.
Что за горе тебя, дружок, В лес привело в этот поздний час?
Горе сиротства нас привело В эту лесную глушь, - С дерева отвечает
им Скромная наша Мануш.
- Нет у нас крова, нет родных В огромном мире земном.
Ночь подходит. Страшно одним Во мраке ночном лесном.
Горят во дворце алмазы, янтарь...
Приводят сироток в царский покой.
Красавица, кто ты? - воскликнул царь.
Зачем барашек безмолвный с тобой?
И вот Мануш рассказала о том, Что было рассказано мной в стихах.

Да здравствует царь на троне своём, Пусть он разберётся в наших делах.

Царь выслушал грустную повесть сирот.

Приятна Мануш для его очей.

И в жёны себе он её берёт.

Семь дней он пирует и семь ночей.

Забыла Мануш о тяжёлых днях, Не знает отказа она ни в чём.

А братец-барашек в густых садах Пасётся, довольный своим житьём.

Жила во дворце, завистлива, зла, Старуха-служанка.

Злодейку ту

Однажды чёрная зависть взяла, Что любят все девочку-сироту.

И входит старуха, злобу тая, В покои к царице - и льстиво ей:

Пойдём-ка, царица, краса моя, Сведу я купаться тебя скорей!

И вот, обольстивши, ведёт к воде, Бросает в озёрную глубину, А дочь, в одежду Мануш одев, К царю посылает, словно жену.

Лица не видать под тканью густой.

Обманщица входит в царский дворец.

Властитель считает её женой, Она надевает царский венец.

Но что это случилось с барашком вдруг?

Никак не заманишь его домой.

По берегу, блея, сделает круг - И снова бежит на берег другой.

Что делать с барашком?

Подумав, решила старуха-мать:

Пусть притворится больною дочь.

И уложила её в кровать.

Несут ей яства - и это и то, И просят-молят немного съесть.

Не смотрит притворщица ни на что

И просит мяса барашка принести.

Мануш, Мануш, но ведь это твой брат!

Ужели же сестры братьев едят?!

Обманщица дальше ведёт игру:

Подайте мне то, что велю, сейчас!

Кричит: "Погибаю!" Кричит: "Умру!" И царь издаёт ужасный приказ:

Костры разложить, Ножи наточить, Барашка убить И мяса подать
Царице в кровать, Чтоб ей не хворать.

Издав он приказ и с тайной тоской, И с тайной тоской бродил над
водой, И думал он грустно: "Ну как могла Мануш его милая быть так
зла?"

И плачут скалы, что вокруг стоят.

И блеет и плачет барашек-брат, И мечется, бедный, над бережком И
человечьим кричит языком:

Сестричка-джан! Сестричка-джан!

Разводят костры, Разводят костры!

Ножи уж остры!

Сестричка-джан! Сестричка-джан!

Услышь ты меня, Спаси от огня!

И слышит царь, с удивлением , - Доносится голос из синих волн.

Знакомый голос и смутен и глух, Взывает и нежно терзает слух:

Братец-джан! Братец-джан!

Бездомный ты мой, Сестры нет с тобой, Барашек мой, джан!

Томлюсь я на дне, Во тьме, в глубине.

Не видно мне дня, Не слышно меня.

Обманщица зла!

Ужасен обман!

Покровы с царицы срывает он, Срывает и видит - о, боже мой, Кто сел обманом на царский трон?

Сюда, рыбаки, свой невод скорей!

Достаньте Мануш, голубку мою!

Сюда, палачи, в глубь водных зыбей Кидайте старуху и дочь-змею!

Разгневался царь. Не уймёшь никак...

За ним возмущённый гудит народ.

Мануш достают и на трон несут.

Но кто это рядом стоит, пригож?

То братец сбросил шкурку и тут Совсем на барашка стал не похож.

Барашек красавцем-юношей стал, - Широкие плечи, разумный взор.

Не блеяньем жалким раскрыл уста - Повёл человека живой разговор.

А тех, что обманом взяли права, - Старуху-злодейку и лгунью-дочь, -
Надев на шеи их жернова, Бросают в озеро в ту же ночь.

Уж не грустят Сестра и брат.

Забыли о страшном сне.

И снова мир, И жизнь, как пир.

А зло - на озёрном дне.